

византийская и русская дороги были хорошо известны южным славянам и раньше, поэтому, выбирая пути бегства, они отдавали предпочтение им. К тому же существенное значение имела и родственная славянская среда, на которую они могли рассчитывать как в многочисленных сербских и болгарских монастырях Афона и Константинополя, так и в городах России.

Особенно интенсивным было сотрудничество русских и южнославянских деятелей культуры в области книгописания. Оно развивалось параллельно с чисто литературным сотрудничеством, а литературный обмен между южными и восточными славянами на рубеже XIV—XV вв. достиг необычайного размаха. Его масштабы росли тем быстрее, чем сильнее становился турецкий гнет на Балканах. В это время литература стала подлинным прибежищем творческой энергии болгар и сербов.

Основными центрами русско-южнославянского общения, кроме городов северо-западной и северо-восточной Руси, были Афон и Константинополь. В конце XIV в. поток южнославянских беженцев в Россию шел едва ли не целиком именно через промежуточные пункты, роль которых играли славянские монастыри Афона и Царьграда.² Здесь образовалось интернациональное монашеское общество, и оно-то в немалой степени и определило ту силу художественного и литературного влияния, объектом которого сделались Москва и другие русские города.³

Как известно, следствием широкого проникновения южнославянских рукописей на Русь была полная перемена общего облика русской рукописной книги: в письме — это смена устава и старшего полуустава младшим полууставом, в заглавиях — начало употребления вязи, в заключительных разделах составных частей рукописей или книг в целом — расположение текста в виде какой-нибудь фигуры, например, клином, и, наконец, в орнаменте — это смена тератологического и старовизантийского стили балканским геометрическим или неовизантийским.⁴

Характерными образцами балканского орнамента⁵ были красочные заставки из пересекающихся кругов и два типа инициалов: киноварные

² См.: В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв., стр. 101 (о сербской и русской колониях в Царьграде); И. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 114—119 и 121—126.

³ О славяно-русских, преимущественно афоно-русских, связях см.: А. В. Горский. О сношениях русской церкви с святогорскими обитателями до XVIII столетия. — Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, год 6. М., 1848, стр. 137—139; В. Иконников. 1) Исследование о главных направлениях в науке русской истории. — Университетские известия, Киев, 1869, февраль, № 2, стр. 8—15; 2) Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 59—60; А. Soloviev. Histoire du monastère russe au Mont-Athos. — Byzantion, t. VIII, fasc. 1, 1933, стр. 227; М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник. М., 1947, стр. 170—171; Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; М. Н. Сперанский. Русские памятники письменности в южнославянских литературах XIV—XVI вв. — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 56—57; И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XVI в. — В кн.: Международные связи России до конца XVII в. М., 1961, стр. 259; И. Дуйчев. 1) Центры византийско-славянского общения и сотрудничества, стр. 121—126; 2) Le Mont Athos et les slaves au Moyen Age. — Le Millénaire du Mont Athos, 963—1963. П. Ed. de Chevetogne, 1964, стр. 121—143.

⁴ См.: А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894, стр. 3—8.

~~društvo NR Bosne i Hercegovine. Godišnjak, kn. I. Balkanološki institut, kn. I. Sarajevo.~~

⁵ В. Мошин. Орнаментика неовизантийского и «балканского» стила. — Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Godišnjak, kn. I. Balkanološki institut, kn. I. Sarajevo, 1957, стр. 315, рис. 19 и сл.